

**Лефортово и Двенадцатый год:
памятные места и архитектурные памятники**

Лефортово как историческое название охватывает местность по обоим берегам реки Яузы между Госпитальным и Дворцовым мостами. С административным делением это название давно не совпадает — до Октябрьского переворота эта местность была разделена между Басманной, Лефортовской и Рогожской частями; современное Лефортово — это префектура Юго-Восточного административного округа по левому берегу Яузы, правый берег относится к Центральному административному округу г. Москвы.

В статье речь пойдет о районе, примыкающем к бывшей Немецкой (ныне Бауманской) улице; о том, что здесь было в начале XIX в. и что сохранилось до наших дней.

Как известно, Немецкая слобода была образована в 1752 г. по указу царя Алексея Михайловича «подле Яузы-реки, где были наперед сего немецкие дворы при прежних великих государях». Центральной улицей новой Немецкой слободы стала Большая Проезжая, впоследствии названная Немецкой. При Петре I в Немецкой слободе развернулось большое строительство, в результате которого она потеряла свой замкнутый национальный характер и превратилась в аристократическое предместье Москвы. В 1697—1699 гг. на улице Коровий брод на средства казны был построен дворец, который Петр I подарил своему любимцу Францу Лефорту и который фактически стал царской резиденцией. Жить в этом районе стало престижно, и на землях Немецкой слободы при Петре I и его преемниках стали возникать усадьбы знати, которыми к 1812 г. была занята большая часть земель.

Перечислим крупные усадьбы, которые были здесь в 1812 г. Лефортовский и Слободской дворцы принадлежали Александру I. Находившимся напротив Слободского дворца Сенатским домом владел цесаревич Константин Павлович. Севернее Лефортовского дворца располагалась большая усадьба графа Дмитрия Петровича Бутурлина. На месте нынешнего круглого Бауманского рынка была усадьба Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. Далее по Немецкой улице — усадьба Александра Романовича Воронцова, дяди и воспитателя графа Д. П. Бутурлина; еще дальше — усадьба графини Екатерины Александровны Головкиной, урожденной Шуваловой. На Вознесенской улице (ныне ул. Радио) — большая усадьба Н. Н. Демидова, на Разгуляе — усадьба графа А. И. Мусина-Пушкина.

Пожары, возникшие после вступления французов в Москву, начались в ночь со 2 на 3 сентября. К 5 сентября пожар добрался и до Немецкой слободы. Аббат Сюррюг, бывший воспитателем детей графа Мусина-Пушкина и оставшийся в Москве, писал: «...ветер, который теперь дул с востока, безжалостно разрушал все на своем пути, как и накануне. Огненные облака неслись со Сретеньки на все Мещанские и Трубу. Огонь захватил в своем неудержимом порыве часть Мясницкой, Красные ворота, Дровяной рынок, Старую и Новую Басманные, наконец, всю Немецкую слободу. Море огня наводняло все кварталы города; волны движимого ветром пламени живо напоминали морские волны во время бури. Несчастные жители слободки, преследуемые огнем, принуждены были бежать на кладбище, расположенное около военной больницы, но даже и тут они не чувствовали себя в полной безопасности. При виде этих бледных, измученных лиц среди могил, освещенных отблесками огня, можно было подумать, что это призраки, вышедшие из своих могил»ⁱ.

В результате пожара, по свидетельству Корбелецкого, «Немецкая Слобода вся выжжена, тут и Слободской дворец, который французы зажгли за несколько дней перед выходом своим»ⁱⁱ. Что не уничтожил пожар, разграбили французские и свои мародеры. Однако, несмотря на всеобщее разорение, кое-что сохранилось и дошло до наших дней. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Усадьба графа Д. П. Бутурлина. Граф Дмитрий Петрович Бутурлин (1763—1829) по отцовской и материнской линиям принадлежал к известным аристократическим родам. Его дед — фельдмаршал Александр Борисович Бутурлин, Екатерина Романовна Дашкова была ему тетей. После ранней смерти родителей мальчик был взят на воспитание дядей, графом Александром Романовичем Воронцовым. Он получил блестящее образование и удивлял

окружающих своим «энциклопедическим всеведением». В 1793 г., после женитьбы, Бутурлин поселился в Москве и целиком посвятил себя любимым занятиям: чтению, составлению библиотеки и коллекции, разведению экзотических растений. В 1802 г. он был назначен директором Императорского Эрмитажа, и, хотя он состоял в этой должности до 1817 г., большую часть времени проводил в Москвеⁱⁱⁱ.

В его библиотеке, насчитывавшей до 40 тыс. томов, было собрано практически все редкое, что издавалось в Европе со времени изобретения Гутенбергом печатного станка. Сын Д. П. Бутурлина, Михаил, вспоминал: «Дом наш с просторным садом занимал более четырех десятин; сад доходил до реки Яузы и примыкал одним боком к улице и к мосту, ведущим к военному госпиталю. При доме тянулся ряд оранжерей и теплиц с экзотическими растениями». Это был настоящий дворец. «Все приемные апартаменты были внизу: стены двух или трех из них были обвешаны штофными шпалерами, окаймлены золотым багетом, мебель и двери были также местами позолочены»^{iv}. Библиотека располагалась на первом этаже. Она занимала три огромных зала. Кроме библиотеки, у Бутурлина была превосходная ботаническая коллекция и физический кабинет, в котором он иногда занимал гостей «опытами белой магии, физики и карточными фокусами».

Все эти ценности погибли при пожаре 1812 года. «Помню, как матушка, — писал Михаил Бутурлин, — роясь в груде развалин и перегоревшего мусора, подбирала обломки любимых Севрских чашек, темносиних, не превратившихся в черный колер... В числе вещей, оставшихся в нашем доме весною 1812 года, было несколько пудов столового серебра, и если бы оно сгорело, то слитки попадались бы в пепле; но ни соринки серебра не нашлось. Это и есть одно из доказательств, что пожар сопровождался грабежом». Видимо, и библиотека была разграблена, так как позже у московских книгопродавцев встречались книги из бутурлинской библиотеки. (Все книги переплетались домашними мастерами и на переплетах ставился герб Бутурлиных). Сейчас от усадьбы сохранился главный дом в несколько перестроенном виде, в 1887 г. надстроен третий этаж.

В 1808—1809 гг. в этом доме часто бывал маленький Александр Пушкин с сестрой Ольгой. Бутурлины приходились им родственниками, а тесть Бутурлина, Артемий Иванович Воронцов, был крестным отцом Александра.

Лефортовский дворец. С января 1804 г. до 1812 г. во дворце находился перевезенный из Кремля архив Военной конторы. После пожара 1812 года дворец стоял необитаемым. «Сама природа, без всякой человеческой заботы, украсила его дикорастущими большими деревьями по окнам, дверям и кровле и т. п. В нем имели пристанище стаи птиц и толпы жуликов, так что поздно вечером и ночью никто не смел проходить мимо», — писал в прошлом веке историк. Только в конце 1840-х — начале 1850-х годов дворец исправили, надстроили третьим этажом, переделали внутри и разместили в нем Московское отделение архива Главного штаба^v. Сейчас в нем расположены Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) и архив фотофондо документов.

Слободской дворец. В 1787 г. обветшавший Слободской дворец был пожалован графу А. А. Безбородко. Перестройка дворца производилась по проекту лучшего петербургского архитектора Джа-комо Кваренги под руководством лучшего московского архитектора Матвея Казакова, а деревянную церковь, пристроенную к зданию дворца, проектировал Василий Баженов. В 1794 г. Безбородко писал: «Дом мой отделан и теперь в городе первый». Только что построенный и отделанный дворец был продан Павлу I при его коронации. Здесь 15 июля 1812 г. Александр! обратился к дворянству и купечеству, призывая к борьбе с Наполеоном. Как это было, подробно изложено в записках участников этого собрания С. Н. Глинки, графа Ростопчина^{vi}, а также в книге А. Н. Попова^{vii}.

Как следует из записок Корбеледкого, при пожаре 5 сентября 1812 г. дворец уцелел, но был сожжен французами за несколько дней до их ухода. Восстановление дворца началось после передачи его в 1826 г. Воспитательному дому для устройства больших учебных мастерских различных ремесел, куда надлежало перевести всех «ремесленных воспитанников». Была создана строительная комиссия, членом которой и архитектором был назначен Д. Жилярди. Был привлечен также архитектор А. Г. Григорьев. По разработанному проекту внешний вид главной части предполагалось сохранить прежним, только вместо колонн соорудить монументальную открытую лестницу с «гrotтовым»

проходом под зданием. Вместо сгоревшей деревянной церкви, стоявшей отдельно, к главному зданию со стороны дворового фасада пристроена новая церковь. В 1830-х годах здесь было организовано учебное заведение, ставшее со временем одним из лучших технических вузов России, — ныне Московский государственный технический университет. Внешний вид его с тех пор существенно не изменился, только на фронте была установлена скульптурная аллегорическая эмблема работы И. П. Витали. В центре композиции находится фигура богини ремесел, искусств и государственной мудрости Минервы, вооруженной бронзовым копьем высотой 4,2 м. По сторонам расположены фигуры, олицетворяющие разум, ремесла, искусство, просвещение. Длина композиции 18 м, высота отдельных фигур достигает 2,6 м. Все фигуры выполнены из подмосковного известняка, добытого в окрестностях села Мячково, близ устья реки Пахры.

Елоховская церковь Богоявления была центром прихода, включавшего почти всю местность вокруг Немецкой улицы. Каменная церковь была освящена в 1731 г. В 1799 г. в ней крестили А. С. Пушкина. Старый храм стоял до 1837 г., когда по проекту Е. Тюрин стал строиться ныне существующий собор, который освящен в 1853 г.^{viii}

Дом Карабановых (Бауманская ул., д. 38). Так у искусствоведов зовется здание, расположенное вблизи вестибюля станции метро «Бауманская», с полуротондой в центре и тонкими лепными украшениями. Бригадир Федор Леонтьевич Карабанов владел этим домом в 1790—1801 гг. Его сын, Павел Федорович (1767—1851), был известным коллекционером редких книг, рукописей, гравюр, монет, медалей, автором ряда справочных книг с биографиями исторических лиц XVIII — начала XIX в. Карабанов продал дом вдове богатого землевладельца Собакина. В течение XIX в. здание не подвергалось значительным перестройкам и сохранилось как образец застройки допожарной Москвы^{ix}.

Усадьба на углу с Лефортовским переулком, где сейчас находятся дома № 42—46, принадлежала генерал-лейтенанту барону Григорию Владимировичу Розену, одному из известных участников Отечественной войны 1812 года, купившему в 1818 г. участок «с обгорелым каменным домом», который он продал через два года^x.

На другой стороне улицы, на углу с Кирочным переулком, была большая усадьба, в глубине которой стоял двухэтажный дом с полуротондами на переднем и заднем фасадах. С 1791 г. эта усадьба принадлежала Роману Илларионовичу Воронцову, потом его сыну Александру Романовичу, от него усадьба перешла к племяннику Михаилу Семеновичу Воронцову. При Бородине М. С. Воронцов был ранен в ногу и привезен сюда, в дом на Немецкой улице.

Как писал А. Я. Булгаков, «граф Воронцов нашел в доме своем, в Немецкой слободе, множество подвод, высланных из подмосковной его, для отвоза в дальние деревни всех бывших в доме пожитков, как-то: картин, библиотеки, бронзы и других драгоценностей. Узнав, что в соседстве дома его находились в больницах и партикулярных домах множество офицеров и солдат, кои, за большим их количеством, не могли все получить нужную помощь, он приказал, чтобы все вещи, в доме его находившиеся, были там оставлены в жертву неприятелю; подводы же сии приказал употребить на перевозку раненых воинов в село Андреевское». Усадьба Воронцовых сгорела. Сейчас на ее месте промышленное предприятие.

На противоположной стороне, где сейчас находится особняк, построенный по проекту Ф. О. Шехтеля в 1884 г. (дом № 58), на стене которого установлена мемориальная доска в память о том, что здесь был убит Н. Э. Бауман, в 1812 г. была голландская реформатская церковь, каменное здание которой вмещало около 200 человек. По некоторым сведениям, в ней был похоронен Франц Лефорт. В 1812 г. церковь сгорела.

Еще дальше по Немецкой улице находится *Сенатский дом*, который в 1812 г. принадлежал цесаревичу Константину Павловичу. После пожара 1812 года здание было восстановлено в 1830 г., и здесь была помещена малолетняя рота кадетского корпуса. В 1911 г. сюда перевели Фанагорийский полк. Сейчас этот дом входит в комплекс зданий Военного университета химзащиты.

Перейдем теперь на Вознесенскую улицу (ныне ул. Радио). Здесь в 1812 г. находилась большая усадьба Николая Никитича Демидова (1773—1828). Украшением этой усадьбы стал главный дом, построенный Никитой Демидовым в 1770-х годах. Предполагается, что проект был сделан Федором Семеновичем Аргуновым, создателем

Кускова. О пышном убранстве интерьеров здания рассказывают описи, составленные в 1801—1825 гг.^{xi} Как пример приведем описание одного из помещений: «В малом кабинете: стены обложены из 258 медных досок под белым лаком, на каждой написаны живописные разные птицы. Потолок из мелких зеркал, обложенных бронзовыми вызолоченными багетами. Камин мраморный, над ним резную вызолоченную пальму поддерживают два вызолоченных купидона. Дверь филенчатая красного дерева, пол паркет...» Особенно пышным было декоративное убранство грота, устроенного при слободском доме под лестницей, ведущей в парк. Регулярный парк был разбит еще при прежнем владельце, графе М. Г. Головкине; в парке были выкопаны многочисленные фигурные пруды, питаемые протекавшей рядом речкой Чечерой. Декоративные решетки оград были отлиты на демидовских заводах. Повсюду стояли мраморные и чугунные вазы, бюсты и статуи, многие из которых также отливались на собственных заводах. На одном из прудов был сделан искусственный остров с двумя изящными беседками. В парке была также гора, на которой стоял круглый храм с деревянными колоннами.

Достопримечательностью дома Демидовых был театр, в котором выступали демидовские актеры, труппы Д. П. Бутурлина, Н. Б. Юсупова, Пинетти, а также немецкий театр. Демидовский оркестр роговой музыки славился на всю Москву.

В усадьбе было множество служебных и хозяйственных построек: каменные — кухонные и два людских корпуса и конюшня, а также деревянные — конюшни, каретный сарай, амбар, баня. Различных оранжерей было десять, в том числе овощная, персиковая, виноградная, сливовая, ананасная, вишневая^{xii}.

Владелец дома Николай Никитович Демидов начал службу в 16 лет адъютантом Г. А. Потемкина. После кончины отца он стал владельцем огромного состояния. Во время второй турецкой войны построил на свой счет фрегат на Черном море. В 1812 г. на свои средства сформировал и экипировал целый полк (1-й Егерский полк Московского ополчения), лично принял участие в Бородинской битве и в других сражениях, за что был награжден орденами Св. Анны 1-й степени и Св. Владимира 3-й степени. Много средств Н. Н. Демидов тратил на благотворительность^{xiii}.

В 1812г. слободской дом уцелел, и в 1825 г. был преподнесен правительству для размещения благотворительного приюта. До наших дней сохранился главный дом, хотя и в существенно перестроенном виде, и два каменных хозяйственных корпуса. Сейчас в здании размещен педагогический университет.

Старший сын Н.Н.Демидова Павел (1798—1840) в четырнадцатилетнем возрасте участвовал в Бородинском сражении, прослужил в армии почти 15 лет, а затем, выйдя в отставку, занимал высокие гражданские и придворные должности. В 1830г. Павел Демидов учредил Демидовские премии, присуждавшиеся Императорской Академией наук, что подняло престиж научных исследований в обществе.

Если посмотреть на его портрет работы неизвестного художника, хранящийся в Нижнетагильском музее-заповеднике, то станет ясно, с кого Бондарчук взял внешний облик Пьера Безухова.

Второй сын Демидова Анатолий известен тем, что в 1841 г. женился на племяннице Наполеона принцессе Матильде де Монфор, дочери Жерома Бонапарта. Однако у принцессы был недостаток, как писал В. А. Соллогуб, «ее необыкновенное мягкосердечие в отношении некоторых красивых мужчин», поэтому в 1845 г. этот брак распался.

Соседнюю с Демидовым усадьбу на углу Вознесенской и Салтыковской улиц занимало семейство Булгаковых. Некогда дом Булгаковых принадлежал заводчику Миллеру, и в нем долго сохранялась надпись, что царь Петр I, приезжая к Миллеру смотреть работы, нередко сам участвовал в них с молотком в руках. Иван Михайлович Булгаков занимал важную должность секретаря в Преображенском приказе. Как известно, грозный боярин Преображенского приказа князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский, по заведенному порядку, производил государя во все чины, и секретарь Булгаков на раз выдавал Петру его полковое жалование. Видимо, по причине служебной близости к Ромодановскому И. М. Булгаков поселился рядом с его усадьбой. Он был ревностным приверженцем преобразований, имел богатую библиотеку, в которой, между прочим, находилось полное собрание ведомостей обеих столиц, с самого начала их печатания. Это собрание было умножено его сыном, известным дипломатом Яковом Ивановичем Булгаковым (1743—1809), бывшим послом в Константинополе и Варшаве. Выйдя в

отставку в 1799 г., он поселился в Москве и занимался устройством своего дома, умножением и упорядочением своей библиотеки. Однако, даже в отставке, озабоченный карьерным продвижением своих сыновей Александра и Константина, служивших в русских посольствах в Неаполе и Вене, он зорко следил за всеми событиями, происходившими при дворе и в дипломатическом ведомстве, о чем свидетельствует его переписка с сыновьями, опубликованная в «Русском архиве». В ней также много сведений о том, что было в его слободской усадьбе. Вот, например, письмо от 23 июня 1802 г.: «Я занимаюсь садом ежедневно; построил за прудом две беседки странные: одну из моха, как в Валуеве, а другую из дуба. <...> На малинном дворе выкопали колодезь и так счастливо, что воды поднялось в два часа на шесть аршин, и такая, что на чай годится. Колодезь также великолепный; теперь и старый на большом дворе перестраиваю. На дровяном поставлены два сарая или лучше горница для инструментов, лавок, щитов и пр., а между ними сарай для дров. <...> Деревья поднялись, и есть многие места столь густые, что сквозь уже ничего не видно. Цветов полон сад, а роз, думаю, в Москве подобных нет, и такое множество, что сам тому не верю»^{xiv}. В другом письме от 15 июня 1803 г.: «На острове, который также сильно оброся, вяз высох, и на его месте будущим летом построю я ротонду, т. е. храм или беседку. <...> В пруду рыба невероятно расплодилась, и, когда ходишь, она играет так часто, что вдруг по десяти видишь выскакивающих из воды»^{xv}.

После смерти Я. И. Булгакова дом перешел к его сыну Александру, который частично сдавал его в наем. Так, 31 октября 1811 г. он писал брату: «Дом наш нанял Сергей Львович Пушкин по 180 на месяц; за тот, где была библиотека, дают 900 в год»^{xvi}. В 1812 г. Ф. В. Ростопчин взял Александра Булгакова к себе на службу помощником по дипломатической переписке. Вместе с Ростопчиным он вернулся из Владимира в Москву вскоре после ухода французов. В письме от 28 октября 1812 г. он сообщал брату: «Наши слободские дома целы. Много в них расхищено: все же, что я нашел в них мебелью, отправлено мною в подмосковную; библиотека вся перемешана, разрыта. Книги валяются по полу, даже по двору, однако же я бился трое суток и кое-какие увражи привел в порядок. <...> В саду многое порублено; я нашел там мертвых лошадей, кои мы зарыли; беседки перебиты, в них искали, видно, клады. Вообрази, что, живучи сами в доме, эти разбойники сделали из залы, что из фальшивого мрамора, нужник свой, а у тетушки в доме стояли лошади. Дом бедного Фаста^{xvii} сгорел до основания, равно и Волкова и Жано. Часть моих пожитков и книг батюшкиных... сгорела у Фаста. Вино сладкое батюшкино было у Волкова. Погреб был разбит, и теперь слышал я запах славного нашего Венгерского вина. Во многих частях города такая пустота, что нельзя осмотреться, если бы не церкви. Вообрази, что я от Белявина дому в Слободе шел прямою линиею до самой почты, все по развалинам, имея направлением Меньшикову башню»^{xviii}.

Упомянутый здесь дом Белавина сохранился до наших дней, также как и стоящие перед ним две огромные лиственницы, возраст которых дендрологи определяют в 200 лет; первым известным владельцем этой местности был поэт-графоман и издатель Николай Струйский; еще более известен портрет его жены работы Рокотова, хранящийся в Третьяковской галерее.

В этом письме упомянуты также соседи и друзья семьи Булгаковых: Иван (Жано) Васильевич Нарышкин и Александр Александрович Волков. Оба они имели дома в Демидовском переулке, параллельном Немецкой улице.

Иван Васильевич Нарышкин (1773—1818) был сыном генерал-майора Василия Сергеевича Нарышкина (1740—1800) и графини Анны Ивановны Воронцовой (1750—1807), дочери генерал - поручика графа Ивана Илларионовича Воронцова от брака с Марией Волынской, дочерью знаменитого кабинет-министра. Иван Нарышкин был женат на Елисавете Ивановне Метем, дочери англичанина, служившего капитаном в русском флоте.

Его брат, Дмитрий Васильевич, действительный статский советник и таврический губернатор, был женат на дочери графа Ф. В. Ростопчина Наталье.

Их сестра, Мария Васильевна (1791 — 1860), в 1811г. вышла замуж за генерал-майора графа Карла Антоновича де Бальмена, который, наряду с М. С. Воронцовым, имел репутацию предприимчивого боевого командира. Они венчались дважды: сначала в Елоховской церкви, потом в католической на Лубянке. Но этот брак

оказался недолгим, в мае 1812 г. де Бальмен умер в Вильно от нервной горячки. Во втором браке она была за Александром Дмитриевичем Олсуфьевым, братом генерал-майоров Захара и Николая Олсуфьевых, последний из которых считался возможным прототипом Пьера Безухова.

Другой сосед Булгаковых, Александр Александрович Волков (1778—1833), в 1801 г. был командиром роты лейб-гвардии Семеновского полка. При Аустерлице был ранен в ногу картечью выше колена насквозь, упал без чувств на поле брани и был взят в плен, где провел пять недель. После выздоровления из-за раны не мог продолжать военную службу и был определен полицмейстером в Москву, в 1812 г. стал обер-полицмейстером^{xix}. Он был женат на Софье Александровне Римской-Корсаковой, семью которой увлекательно описал М. О. Гершензон в «Грибоедовской Москве».

В соседнем переулке находилась усадьба, некогда принадлежавшая владельцу фарфоровой фабрики в Вербилках англичанину Францу Гарднеру; в память о нем переулок до сих пор называется Гарднеровским. В 1812 г. усадьба принадлежала вдове его сына, имевшей пять малолетних детей. Эта усадьба подробно описана в статье Е. Г. Болдиной^{xx}.

В Демидовском переулке с XVI в. стояла лютеранская церковь Св. Михаила, называемая также «Старая обедня». Здесь хоронили знатнейших иностранцев: в начале XVII в. в ней был погребен жених царевны Ксении Годуновой принц Иоанн Датский; при Петре! — генерал-фельдцейхмейстер граф Я. В. Брюс^{xxi}. В 1684г. здесь была построена каменная кирха, которая в 1920-х годах при строительстве Центрального аэрогидродинамического института была снесена. Однако с большой долей вероятности можно предположить, что ее фрагменты сохранились в конструкции башни с ветряным двигателем.

В 1801 г. и в 1808—1812 гг. в Лефортове жили служившие в русском флоте офицеры-англичане, сославшиеся в Москву при ухудшении отношений с Англией. В 1801 г. вице-адмирал Тет жил в доме Демидова, в 1808—1812 гг. тот же Тет, ставший адмиралом, а также капитан-командор Эллиот, капитан-лейтенант Бутлер, лейтенант Го гарт проживали в Сенатском переулке в доме штаб-лекарши Катерины Ивановны Арендт, матери известного впоследствии лейб-медика Николая I, лечившего А. С. Пушкина после дуэли. Дом этот в 1812 г. сгорел, поскольку в 1818 г. за хозяйкой числилась «обгорелая земля». В одном из домов купца Ямщикова жил и вице-адмирал Р. Кроун^{xxii}. Где-то здесь обитал и контр-адмирал Грейг, о котором А. Н. Булгаков писал брату в 1811 г.: «Грейг тебе также кланяется всякой раз, что мы его видим». Но где он жил, пока установить не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 232-233.

ⁱⁱ Французы в Москве: Рассказы Корбелецкого, чиновника, бывшего в плену и на невольной службе у неприятеля // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001. С. 144.

ⁱⁱⁱ Книжное обозрение. 1995. 11 июля.

^{iv} Русский архив. 1897. № 2. С. 239-247.

^v Романюк С. К. По землям московских сел и слобод. М., 1998. Ч. I. С.410.

^{vi} Глинка С. Н. Из записок о 12-м годе // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 252-254; Ростопчин Ф. Б. Записки о 1812 годе // Деятнадцатый век. М., 1872. Кн. 2. С. 115-120.

^{vii} Попов А. Н. Москва в 1812 году. М., 1876.

^{viii} Сорок сороков. М., 1995. Т. 3. С. 83.

^{ix} Романюк С. К. Указ. соч. С. 431

^x Там же. С. 433.

^{xi} РГАДА. Ф. 1267. Оп. 10. Д. 282. Л. 6-12.

^{xii} Борис А. Г., Канаев М. Б. Слободской дом Демидовых в Москве // Демидовский временник: Ист. альманах. Екатеринбург, 1994. Кн. 1. С. 65-73.

^{xiii} Демидовы: Родословная роспись. Екатеринбург, 1992; Брокгауз и Ефрон. Энцикл. словарь: Биографии. М., 1993. Т. 4. С. 610—612; Черкасова А. С., Мосин А. Г. На благо любезного Отечества // Демидовский временник. Екатеринбург, 1994. Кн. 1. С. 248—274.

^{xiv} Русский архив. 1898. Кн. 1. С. 56-66.

^{xv} Там же. С. 196.

^{xvi} Русский архив. 1900. № 4. С. 516-517.

^{xvii} Фаст — Фавст Петрович Макеровский (1780—1847) жил в Плетешковском переулке, близ Елоховской церкви. Он был в дружеских отношениях с Я. И. Булгаковым и его сыновьями. О нем см.: Московский журнал. 2000. № 2. С. 27-30.

^{xviii} Русский архив. 1900. № 5. С. 34.

^{xix} [Булгаков А. Я.] Биография А. А. Волкова.... М., 1833.

^{xx} Болдина Е. Фабрикант Гарднер и пожар Москвы // Россияне. 1995. №2-3. С. 140-142.

^{xxi} Сытин П. В. Из истории московских улиц. 3-е изд. М., 1958. С. 697-698.

^{xxii} Ляпишев Г. В. Две ссылки английских моряков русской службы в эпоху наполеоновских войн // Доклад на конференции «Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи», 26 апреля 2001 г. (готовится к изданию).